

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Важнейшим условием правильного правопонимания и правоприменения выступает толкование норм права. Поверхностное, необоснованное или даже ошибочное толкование сказывается на практике исключительно негативно.

При этом для правильного истолкования смысла правовой нормы необходимо, чтобы она была выражена точным, ясным, простым и эмоционально нейтральным языком¹. Если право перестает быть точным и однозначным, оно прекращает функционировать как право², и тогда закон как его источник становится, если цитировать известную русскую поговорку, пресловутым «дышлом» («куда повернул, туда и вышло...»).

В идеале «правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение»³. Пока даже в рамках одного закона мы можем наблюдать обратное.

Уделим внимание наиболее строгому по меркам воздействия на правонарушителя, а от того потенциально слишком дорогому в плане допущенных при его неправильном применении ошибок, закону - Уголовному кодексу РФ 1996 г.

Очевидно, что субъекты законотворчества должны создавать такие формулировки для российского уголовного закона, которые позволяли бы проводить четкую и недвусмысленную грань между преступным и непроступным. Но на деле этого пока нет.

Так, далек от образца в смысле однозначности, особенно в нормах Особенной части УК РФ, термин «лицо», более полутысячи раз встречающийся в тексте уголовного закона и нередко обладающий диамет-

¹Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика в юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 65-66.

²Яковлев А.М. Социальные функции процесса криминализации // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 96.

³Шаргородский М.Д. Уголовный закон // Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 171.

рально противоположным смыслом. Например, в ст. 109 УК РФ это и субъект преступления (ч. 2), и потерпевший (ч. 3), характеризующие разные элементы состава причинения смерти по неосторожности.

Аналогично и термин «несовершеннолетний». Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет. В то же время, если это потерпевший, то законодатель несовершеннолетними признает лиц, начиная от момента рождения и заканчивая достижением ими совершеннолетнего возраста, как это имеет место в составах преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ и др.

На первый взгляд, такая терминологическая особенность уголовного закона ничего страшного собой не представляет. Однако, если вспомнить о том, что подобной спецификой обладают термины и других законодательных актов, в которых предлагается собственная трактовка, например, того же понятия «несовершеннолетний», как в Гражданском кодексе РФ, что число законодательных актов в современной России вызывает уныние даже у юриста со стажем, становится понятным, насколько был прав М.Д. Шаргородский, цитируемый нами выше¹. Точность в терминологии, ее однозначность (там, где это в принципе возможно) стали бы залогом не только правильного правоприменения и правопонимания, но и изменения отношения к законотворчеству и законам в российском обществе, сегодня относящегося к ним в основном негативно.

Кроме вышеназванных, спорны по содержанию и такие специфические для УК термины, как «систематическое унижение», «обезображивание», «особая жестокость», «тяжкое оскорбление», «явное неуважение», «грубое нарушение», «осквернение», «экстремистское сообщество», «особая ценность» и ряд других. Особую сложность, и не в последнюю очередь из-за полисемантической и неопределенности, представляет разграничение терминов «насилие» и «вред здоровью», «тяжкое оскорбление» и «оскорбление», «честь» и «репутация», «выдача» и «передача», «хищение» и «похищение», «жестокое обращение» и «особая жестокость» и множество других.

В одной только главе 26 УК РФ законодатель использует такие разнообразные криминообразующие и в подавляющем большинстве оценочные признаки, как «существенный вред» (ст. 247, 250), «значительный ущерб» (ст. 255, 262), «крупный ущерб» (ст. 256, 258, 261), «значи-

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон // Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 171.

тельный размер» (ст. 257, 260), «тяжкие последствия» (ст. 246, 248, 249 и др.). При этом в примечаниях к ст. 260-261 раскрываются лишь те, которые касаются лесного браконьерства. Единообразие правоприменительной практики данный факт, конечно, не способствует.

Вообще составы экологических преступлений в плане неопределенности представляют собой настоящий образец. Так, они нередко сконструированы как материальные, но без явного признака общественно опасного деяния и с так называемыми двойными последствиями. Например, порча земли (ст. 254 УК РФ), по мысли законодателя, представляет собой отравление, загрязнение или иную порчу земли, вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшими причинение вреда здоровью человека или окружающей среде.

Совершенно очевидно, что, скажем, отравление может толковаться и как процесс (общественно опасное деяние), и как результат преступной деятельности (общественно опасное последствие). Однако по воле законодателя для признания состава оконченным требуется наступление других последствий - причинения вреда здоровью человека или окружающей среде. В этой же норме совершенно спокойно как однопорядковые задействованы понятия общие и специальные: отравление представляет собой частный случай загрязнения¹, чего в законе просто не должно быть.

Присутствие в законе схожих по смыслу терминов также нецелесообразно. В формулировке объективной стороны государственной измены в форме выдачи государственной тайны (ст. 275 УК РФ) использовано определение «выдача», при этом объективную сторону шпионажа (ст. 276 УК РФ) образует уже «передача», при том что никакой принципиальной разницы между указанными терминами нет².

Вызывает сомнения правильность использования как признака другого деяния в ряде уголовно-правовых норм понятий, представляющих собой название самостоятельного преступления. Например, вымогательство (ст. 163 УК РФ) в составе получения взятки является квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

¹ Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. С. 167.

² Рябчук В.Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2007. С. 690.

Если этот признак получения взятки раскрывать в соответствии с легальным понятием вымогательства, т.е. исходя из признаков, содержащихся в ст. 163 УК РФ, получается громоздкая и малопонятная конструкция¹. Поэтому неопенимую помощь в уяснении смысла данной нормы оказывают разъяснения Верховного Суда РФ. Так, Пленум Верховного Суда РФ полагает, что под вымогательством взятки следует понимать требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, а также заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан)².

Как видим, практики предпочитают видеть в вымогательстве взятки иные признаки, нежели определенные законодателем в одноименном составе преступления. И вновь мы можем констатировать, что в уголовном законе один и тот же термин имеет разное смысловое наполнение, что следует учитывать при каждом случае юридической оценки.

Процесс толкования норм УК РФ осложняет и их бланкетный характер. Ведь прежде чем квалифицировать содеянное как конкретное преступление, правоприменителю следует обратиться к правовым предписаниям, требования которых нарушил субъект. Последние при этом преимущественно сконцентрированы в федеральных законах, но в основной массе рассчитаны на дальнейшую конкретизацию на уровне иных актов. Очевидно, что чрезмерная бланкетность юридическую

¹ В частности: «Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе с требованием передачи взятки (т.е. вместо оригинального признака вымогательства - «чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера» - А.Б.) под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

² См.: п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля. № 154.

оценку содеянного не упрощает. То же касается и отсутствия некоторых специализированных нормативно-правовых актов, которые ускорили бы процесс квалификации в части толкования отдельных признаков уголовно-правовых норм (например, понятий древесины (ст. 257 УК РФ), особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ) и др.). Конечно, для целей квалификации можно было бы воспользоваться и постановлениями Пленума Верховного Суда РФ. Однако имеющиеся в них разъяснения просто не анализируют значительную часть признаков составов преступлений, оставляя правоприменителю простор для «творческого осмысления» буквы закона.

Таким образом, подводя итог изложенному, полагаем, что законодатель в целях реализации задач УК РФ, поставленных в его статье второй, должен учитывать данные проблемы толкования при совершенствовании буквы уголовного закона и, наконец, сконцентрировать свои усилия на минимизации таковых, чтобы исключить произвольное толкование норм уголовного закона практиками.